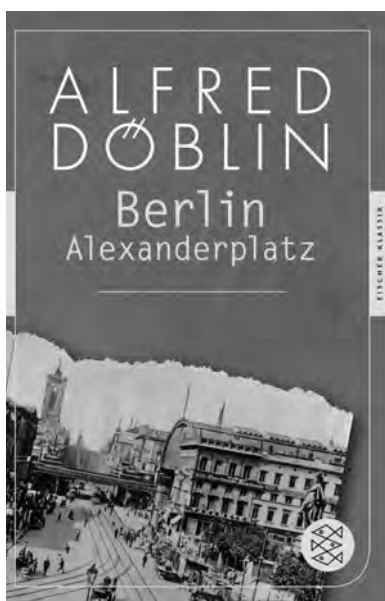

Феликс Кохрихт
Alex и Zoo

Так в Берлине коротко и со значением определяют ареалы проживания – не столько в топографическом, сколько в ментальном значении: от того, где ты обитаешь, зависит образ жизни – не только уклад, но и философия, и обыденные привычки.

Следует уточнить, что речь идет не о миллионах обывателей, населяющих огромный мегаполис, в который превратился город на Шпрее, после того как в 1989 году была снесена Стена,

и он стал столицей ФРГ. Такая классификация применима лишь к особой прослойке берлинцев, которая с бисмарковских времен определяла тот загадочный и труднообъяснимый флер, или, как они сами говорят, Berliner Luft (берлинский воздух). Ему посвящены произведения разного жанра, в основном – весьма легкомысленного: оперетты, программы кабареистов и сборники анекдотов. Татьяна, я и наша знаменитая землячка Нелли Харченко наслаждались блистательным спектаклем, идущем в одном из театров на Кудамме – так истинные берлинцы называют главную улицу Западного Берлина Курфюрстендамм. Вот где мы сполна услышали остроты и мелодии, носящиеся в берлинском воздухе...

Но у меня есть иные знаковые книги, спектакли, фильмы, в которых другой Берлин и другие берлинцы. Обитатели города с тревожной и зачастую сумрачной аурой, которая, как выяснилось, вовсе не исчезла в XXI веке, а приобрела иные, микшированные оттенки.

Мы бывали в этом городе в разные времена. Татьяна – тогда, когда Стены еще не было, а потом мы вместе – в столице ГДР,

спустя годы – прошли в числе первых сквозь Бранденбургские ворота в Западный Берлин, и вот – встречаем Новый год в столице самого богатого и влиятельного государства Европы.

Мы поселились в гостинице, расположившейся в старом доме на Кантштрассе, – в самом сердце богемного Берлина: и много лет назад, и сегодня этот район населяют люди, которых принято называть креативными, в нашем случае – с примесью авантюризма, склонные к посиделкам в кабачках и даже выпивке в сквере.

Здесь много маленьких театриков, киношек, галерей, тусовочных забегаловок. Здесь можно встретить знаменитых актеров, игравших в фильмах Фассбиндера. Здесь, наконец, снимался культовый мюзикл «Кабаре». Но для нас важнее было то, что отель был в двух шагах от Zoo – зоопарка и одноименного вокзала.

В разделенном городе Таня, пройдя строгий контроль гедерзовских гебистов, села в поезд на остановке Фридрихштрассе и всего через несколько минут, преодолев границу, выходила на ярко освещенном перроне вокзала Zoo – в Западном Берлине... В этом богемном районе в двадцатые годы XX

века легендарный писатель, литературовед, атлет Виктор Шкловский (кроме всего еще и Шполянский в булгаковских «Днях Турбиных») написал свою исповедальную изысканную книгу «Зоо, или Письма не о любви». В те годы Берлин, и особенно Зоо, был прибежищем беглецов из России, где бушевала и заканчивалась гражданская война. Не стану перечислять фамилии деятелей искусства – об этом прочтете в книгах и Интернете, но Шкловский, как, по-моему, никто иной, сумел передать не только муки неразделенной любви в Эльзе Триоле (сестре Лили Брик), но и пряный и тревожный привкус того берлинского воздуха, когда всюду реализовывались аллюзии так называемого потерянного поколения.

Его адептом считается Эрих Мария Ремарк, чья повесть «Три товарища» вспоминалась мне в кафетериях Берлина под если не кальвадос (его нынче в Германии не сыщешь), то под шнапс....

Если сесть в надземку, грохочущую через весь город, и пересесть Шпрее, то можно выйти на главной площади Восточного Берлина. Она увековечена в названии романа Александра Дёблина «Берлин, Александерплатц». Это литературный аналог полотен великого и ужасного художника-экспрессиониста Макса Эрнста, создавшего галерею трагических и гротескных персонажей – участников первой и провозвестников второй мировых войн. Роман, написанный в 1929 году, предсказывает шабаш национал-социализма но, как ни парадоксально, актуален и сегодня – надо заставить себя вновь, спустя много лет, вчитаться в его страницы, да еще пересмотреть потрясающий одноименный телесериал все того же Фассбиндера.

Мемориал памяти евреев – жертв фашизма

Еще в первые наши приезды в Берлин друзья, художники-антифашисты, прошедшие войну, показывали нам здания райотделов гестапо, еврейские магазины, галереи и банки, разнесенные погромщиками в Хрустальную ночь. И жертвы, и их палачи – уже в мире ином, но здания, тротуары, мостовые, берега Шпрее, одетые в гранит, впитали и ужас, и ярость, и отчаяние, и торжество возмездия, бушевавшие здесь десятилетиями...

Восточный Берлин нынче – сплошная строительная площадка, под главной исторической улицей, Унтер-ден-Линден, прокладывают линию метро, и уже несколько лет не работает «Дойче Опер»...

Пожалуй, этих книг и фильмов достаточно, но нельзя хотя бы не упомянуть наши «восточные» походы на остров Музеев – к Пергамскому алтарю и Нефертити, в прекрасные гедезоровские театры – мемориальный Брехтовский, «Комишеопер» времен Вальтера Фельзенштейна, имени Горького, в фантастический филармонический зал – «Шаушпильхаус», а уже в наше время – на спектакли театров Западного Берлина, его музеи, на оперу Пуччини «Богема» в новогоднюю ночь, и особенно – на концерт

замечательного актера и джазмена Манфреда Круга, диссидента, бежавшего от Штази на Запад, который и сегодня, спустя 30 лет, вновь поразил нас своим неугасающим драйвом в зале, который нынче называется уже не «Шау-», а «Концертхаус»...

И в завершение этого ностальгического экскурса в мое берлинале – о том, каким образом и откуда я узнал слово «Берлин». Случилось это в мае 1945 года, когда в Одессу на побывку прибыл мой старший брат Абрам Кохрихт, двадцатидвухлетний старший лейтенант – артиллерист, отправившийся в военкомат 23 июня 1941 года – сразу после выпускного вечера в школе № 37. Мы уже около года как вернулись из эвакуации и жили в коммуналке без удобств на Садовой, 6 (квартиру на Софиевской, 13, где я родился и откуда Аба ушел на фронт, у нас отобрал высокий чин – Бог ему судья...). Так вот, брат приехал с чемоданчиком из эрзац-кожи, в котором были несколько плиток эрзац-шоколада, бязевое белье с завязками. (Эрзац – заменитель всего что угодно: кожи, шоколадных бобов, колбасы – на дешевые обманки. В последние годы войны немецкая экономика держалось на этом.) Туда же он положил кобуру с пистолетом ТТ, который я на следующий день достал и пошел гулять по двору.

На гимнастерке моего брата кроме орденов и медали «За отвагу» с прямоугольной колодкой за Кавказ 1941 года была еще одна – «За взятие Берлина».

А став постарше, я раз десять проканывал с пацанами на грандиозный цветной фильм «Падение Берлина», который, конечно же, снимался в павильоне «Мосфильма», но мы были уверены, что в логове фашистского зверя.

И, разумеется, не могу не вспомнить «Семнадцать мгновений весны» – хотя бы потому, что и сегодня многие станции берлинского метро и на востоке, и на западе огромного современного города выглядят так же, как и в годы, когда по ним бродила радистка Кет с двумя младенцами на руках...

И резюме, с которым, знаю, многие поспорят. Мы считаем, что и сегодня город разделяет Стена, которую заметит не каждый. Мы сполна ощутили некую невидимую преграду, которая и сегодня, спустя 25 лет после физического уничтожения Стены, по-прежнему делит Берлин на Восток и Запад. Она – сродни театральному

занавесу, сравнима с той, что преодолевают герои фентэзи, проникая из одной реальности в другую, о ней можно прочитать в «Марсианских хрониках» Брэдбери, если хотите – в «Алисе»...

Нас вряд ли сполна поймут в офисах и у заводских конвейеров, на стадионах и на распродажах в универсамах. Но прислушаются к нам, перехватят наш взгляд в двух силовых точках Берлина – на Zoo и Alex. Придвинутся поближе, подсядут к столику – и под пиво, а то и шнапс пойдет разговор...

*

«Начитался в детстве я Бёлля и Ремарка...»

Дальше все зачеркнуто.
Сноска*
И ремарка.

*

Берлин на карте генеральной
Кружком отмечен был всегда.
Отсюда шла, бывало, польза,
Но и беда, беда, беда...

*

Будто в нашем, блин, отеле,
Будто в нашем, блин, дворе
Ловко прыгала Минелли –
фильм снимался «Кабаре».

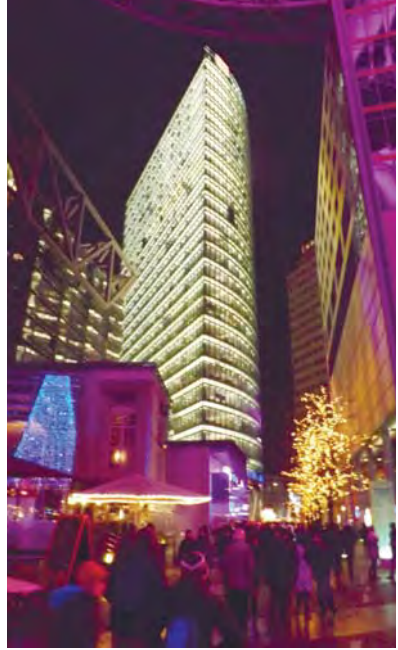
*

Оказался на мели и в кармане пусто?
Часы в ломбарде заложи,
Кружку пива закажи,
Сосиски съешь с капустой.

*

На площадь Александрплатц я положил большой абзац.

*

На улице Курфюрстендамм я видел курпулентных дам.

*

Была страна такая – ГДР –
Пионерам всем пример.
И никогда ее уже не будет.
Дома ветшают, рухнула Стена.
Исчез «Трабант».
Куда-то делись люди...

*

Геньяльный Брехт!
И принцип отстраненья...
Промчались годы – есть ли измененья?
В его театр мы ходили – смотрели «Матушку Кураж»...
Иных уж нет, а те – далече, но в общем – тот же антураж.

*

Мистикой наполнена берлинская подземка...
Здесь бесконечно Кэт пытаются: «Немка иль не немка?»
По путям давно заросшим ходит хитрый Мюллер,
И Штирлиц – Тихонов – живой, и никто не умер...

*

Берлин, декабрь, скоро Новый год.
Свинцовая вода речушки Шпрее,
Алоис плоскостопый шнапсу принесет –
Он душу нам согреет.

*

Я посылаю свой укор одесскому родному горсовету.
В Берлине Либкнехтштрассе есть, а у нас была – и нету...

*

Мог ли в детстве думать я, простой еврейский мальчик,
Что эта строчка – про меня: «...шалун уж отморозил пальчик...»

Встречая с Таней Новый год под елкой Кудамма,
Я некий подвожу итог – я выполнил программу.
Ах, мне и больно, и смешно!
И кто-то пальчиком железным ужо грозитя мне в окно.

*

Пруссаки с баварцами померялися яйцами.

*

Не хотелось вспоминать, я вообще – не очень...
Бокалов новогодних звон и хруст Хрустальной ночи...

*

При Фридрихе Великом здесь стоял полк
королевских гренадеров –
 усаты, бравы, силачи и на забаву споры.
 С тех пор в игривый сей Потсдам нет ходу девушкам –
их превращают в дам.
 Но те подобных акций не страшатся
и в Сан-Суси по-прежнему стремятся.

*

Куда же вы, замерзшие, господа еврей?
Заходите к нам, в гестапо, – мы вас здесь согреем!

*

Станьте, дети, станьте в круг,
с нами вместе Манфред Круг – старый добрый друг.
 Он нынче вдохновил биг-бенд и в дуэте с Уши
терebит нам уши!
 В зале – бывшие стилиаги полны дерзостной отваги.
 Дружно достаем мы фляги – я с армянским коньяком.
 Ну а утром спозаранку – разговоры про Таганку,
«Современник» и «Ленком».

*

Из детства дальнего картина:
Мой брат-старлей, естественно, еврей.
ТТ, медаль «За взятие Берлина».

*

Сквозь Бранденбургские ворота шала с учений наша рота.

*

Было время: английские лорды,
превозмогши снобизм и сплин,
После чая с бисквитом из Типперери охотно летели,
летели бомбить Берлин.

*

Фейрверк в Берлине – больше, чем фейрверк!
Мишень – не небо, человек.
Как только высунешься ты из тесной подворотни,
А по тебе уже палят, и снайперов здесь – сотни.
Он был портной, шофер, дантист, а нынче он – артиллерист.
Под Новый год проснулась в нем тевтонская отвага,
Как будто не кабак за ним, а стены, блин, Рейхстага.
Не слыша тиканья часов, колоколов трезвона,
Направил прямо на меня трубу фаустпатрона.
Но полночь – выпускаем пар: мы оба понимаем,
Что это просто – ширпотреб, и сделан он в Китае.

.....
И мы под праздничный салют степенно выпиваем,
А, как его, вообще, зовут – мы так и не узнаем...

Фото автора и Татьяны Вербицкой

